

Свобода как идеал и политическая цель вдохновляла широкие массы на протяжении всей человеческой истории на действия, выходящие за пределы рутинной повседневности. Бунты, революции, войны, протесты, всевозможные движения и тому подобные феномены составляют коллекцию человеческого опыта острых конфликтных форм борьбы за свободу и свободы. Есть в этой коллекции и мягкие формы борьбы — от непротравленного злу, ненасильственного протеста вплоть до голосования. В этот диапазон, пожалуй, вместили все разнообразие действий во имя свободы.

Раздумье на эту тему не праздно, тем более для России и тем более в условиях цифровых метаморфоз и вихрей. Во-первых, эта тема исключительно значима в российской истории и в актуальных усилиях, позволяющих ее осмыслить и проинтерпретировать. Декабристы, Пугачев и Екатерина, 1861, 1917, 1991... Что ни тема — то пласт, над которым нам, как археологам, еще работать и работать, будучи уверенными в новых находках и открытиях смыслов.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-7.165.2019.5

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕСВОБОДЫ?

Во-вторых, технологическая революция, при всем хайпе по ее поводу, делает принципиально достижимыми такие уровни социального контроля над любой личностью, которые ранее или были недостижимы в принципе, или требовали серьезных трудов и сил вплоть до тотального насилия. Понимания новых технологических возможностей контроля в обществе мало, многое затушевывается необходимостью решения вполне насущных задач, таких как борьба с терроризмом, преступностью и коррупцией, обеспечение налоговой дисциплины, сервисных удобств для граждан и т.д. Многие даже и не подозревают о своих «больших данных» и о возможностях манипулирования ими со стороны совсем не авторизованных и не уполномоченных персонажей.

В-третьих, российская экономическая политика реально столкнулась именно с проблемой экономической свободы как условием роста. И если проанализировать коллективные мнения участников ряда экспертно-деловых форумов, которые прошли в октябре-ноябре 2019 года с участием руководителей ФОИВов, бизнес-объединений, а иногда даже высших должностных лиц, ознакомиться с выступлениями официальных лиц, ответственных за экономический прогресс, то легко увидеть, что сложился консенсус относительно того, что мешает развитию. В прикладном смысле — относительно того, что мешает инвестициям, которые сами есть условие роста. Более половины влияния приходится на барьеры, связанные с «плохим госрегулированием». Это включает и высокие налоги, и давление силовых структур, и плохую работу регуляторов и т.п. С позитивной стороны, с точки зрения того, что способно «разогнать экономический рост в российских реалиях», ответы подтверждают диагноз: малый и средний бизнес, повышение качества институтов, удешевление кредитов, снижение налогов — вот силы прорыва. Крупные инфраструктурные проекты и нацпроекты заняли нижние строчки рейтинга. Так или иначе, подобные позиции легко обнаружить во всех дискуссиях осени 2019 года, которых много. На одной из них А.Н. Шохин так и интерпретировал результат опроса — дефицит экономической свободы.

Вне всякого сомнения, нет такого субъекта, который бы желал несвободы когортам граждан. Хотя насильственные преступления вызывают справедливое негодование целых городов, все-таки это частные случаи, и для борьбы с уголовщиной есть и закон, и правоохранители.

С экономикой сложнее. Она, как айсберг, не вся прозрачна и видна. Бросок в «рынок» превратил целые поколения в адептов коммерческой вседозволенности, далекой от социальной ответственности. А определить, где должна начинаться экономическая свобода, а где должны заканчиваться попытки спасти от нее общество, на самом деле непросто. В истории можно многое почерпнуть на эту тему. Но страна в последнее время действительно столкнулась с ситуацией, когда успехи в контроле и надзоре оборачиваются парализацией творческой энергии нации. Это касается и бизнеса, и госуправления, и науки, и творчества, и, пожалуй, градостроительства.

Грань тонкая между свободой, ее триумфом, ее разгулом и внезапным ее исчезновением.